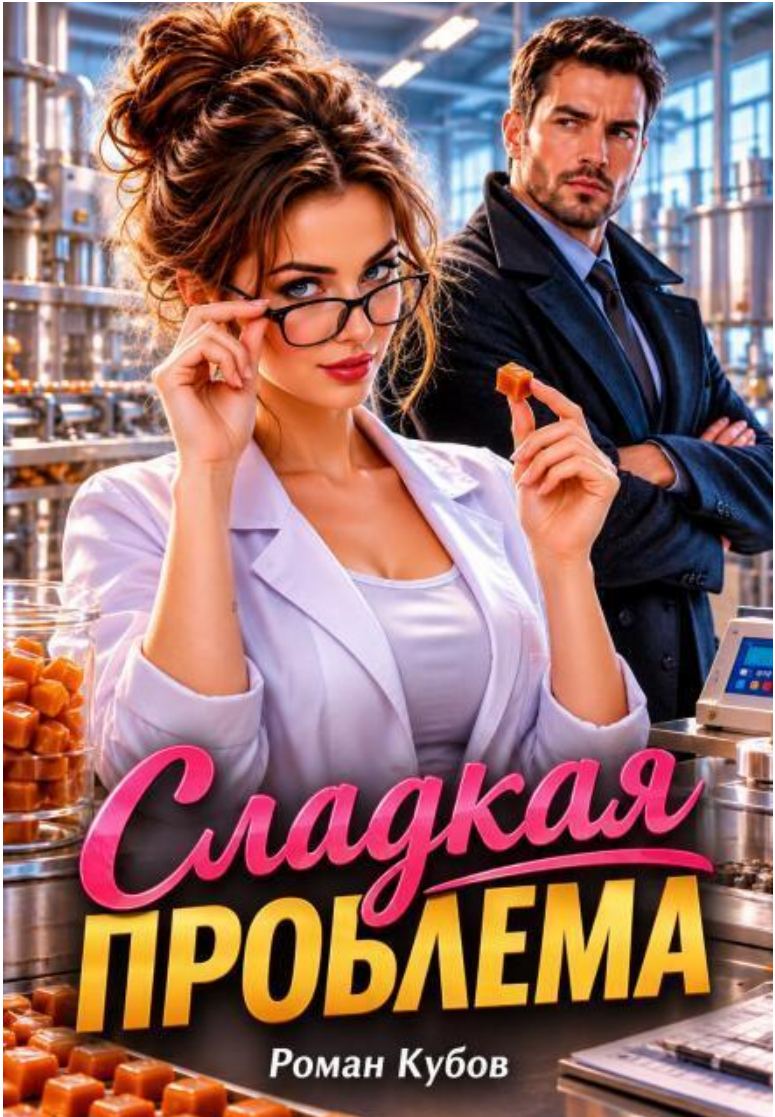

Сладкая
ПРОБЛЕМА
Роман Кубов

Роман Кубов
Сладкая проблема

https://litres.ru/74726422

Аннотация

Антонина Ланская семь лет ест сладкое за деньги: сорок проб в день, лист на двадцать четыре строки, язык как инструмент и ни одного домашнего торта.

Её цех хотят заменить белым ящиком, который показывает сладость в процентах. Человек, который этот ящик привёз, не различает оттенков вовсе: для него всё сладкое — «сладкое с чем-то», и он говорит цифрами, потому что не умеет иначе. У них одна команда на конкурсе, один срок и одна беда: обоим негде жить.

Служебную квартиру дают семейным, а они не семья — пока не семья. Дальше будут три тура, чугунная форма леденцового петуха из семьдесят второго года, кондитерская соперница, которая не умеет врать, и общее собрание, после которого придётся сказать правду вслух, стоя перед всем комбинатом.

Содержание

Глава 1. Сорок проб 4
Глава 2. Вкус города 12
Глава 3. Служебная квартира 19
Глава 4. Комиссия 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глава 1. Сорок проб

Я семь лет ем сладкое за деньги и ни разу не съела его дома.

Это не сила воли. Это профессиональная деформация: после сорока проб язык устаёт так, что вечером карамель кажется бумагой, а шоколад — мылом. Коллеги надо мной смеются, Роза Марковна говорит «у тебя язык как у счётчика», а я говорю, что у счётчика язык не болит, и это единственное, что у меня лучше, чем у счётчика.

В тот вторник до конца смены оставалось семнадцать проб, когда в цех вошёл человек в пальто.

У нас не принято входить в пальто. У нас принято входить в халате, в шапочке, в бахилах и с вымытыми руками, и на двери висит лист, где это написано крупными буквами, потому что однажды в наш цех зашёл главный инженер и с тех пор лист висит.

Человек в пальто лист прочитал, кивнул и остался в пальто.

— Здравствуйте, — сказал он. — Северин, головной офис. Я к вам с аппаратом.

— С каким аппаратом?

Северин посторонился, и в цех въехала тележка, а на тележке стоял ящик размером с небольшой телевизор, белый,

с щелью и экраном.

— «Пробник-2», — сказал человек. — Дегустатор. Определяет сладость, кислотность и три оттенка. Погрешность одна сотая.

Я посмотрела на ящик. Ящик посмотрел на меня чёрным экраном.

— У вас в цеху четыре человека, — сказала я. — Я один из них.

— Я знаю.

— А вы привезли пятого.

— Я привёз не пятого, — сказал Северин. — Я привёз прибор, который не ест.

* * *

Он был высокий, аккуратный, с тем пальто, которое носят люди, которые заранее смотрят погоду. Лет тридцать с небольшим. Говорил вежливо и очень ровно, как человек, который все фразы придумал утром.

— Тоня Ланская, — сказала я. — Дегустатор.

— Очень приятно. Вы позволите поставить аппарат к окну?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у окна сквозняк, и он покажет вам не сладость, а температуру.

Северин посмотрел на меня с интересом. Так смотрят на собаку, которая неожиданно сказала слово.

— Здесь нет сквозняка, — сказал он.

— Здесь окно сорок лет, — сказала я. — Оно в двух местах не закрывается, и я его подпираю спичечным коробком, потому что иначе тянет на образцы. Показать?

Я подошла, сняла коробок, и окно тихо загудело.

— Отлично, — сказал Северин. — Тогда на столе у стены.

— Там стол, на котором пробуют.

— А тут что, не пробуют?

— Тут стоит компот, — сказала я. — Мы между пробами пьём компот. Это единственный способ не сойти с ума.

* * *

Лида Пух, лаборантка, смотрела на нас из-за весов и делала брови: мол, кто это и почему без бахил. Игнат Осипович Сыч, карамельщик и наш единственный мужчина, смотрел спокойнее — он в этом цеху с пятьдесят девятого года и видел, как сюда привозили и не такое.

— Продолжим? — сказала я. — У меня семнадцать проб.

— Продолжим, — сказал Северин и остался стоять.

* * *

Пробуют у нас так.

Перед каждым — блюдце с номером, на блюдце кусочек карамели из партии. В листе двадцать четыре строки, в каждом столбце своё: цвет, запах, первая секунда, вторая, послевкусие, вывод. Первые пять секунд решают всё, дальше язык врёт, потому что привыкает.

Тринадцатая проба была обычная. Четырнадцатая тоже.

На пятнадцатой я почувствовала мыло.

Не в первой секунде, и это было самое противное: в первой секунде была карамель, нормальная, тягучая, солодово-сливочная, как в партии номер сорок один. А на второй секунде из-под неё вылезло мыло. Тонкое, как когда полощешь стакан и не долил воды.

— Игнат Осипович, — сказала я. — Пятнадцатая.

Он подошёл, взял блюдце, понюхал, потом попробовал — у нас старшие пробуют после младших, это правило такое, чтобы младший не думал, что он виноват.

— Есть, — сказал он. — Мыло.

— Откуда?

— Смотря откуда ароматизатор.

Я записала в лист: партия сто тридцать один, оттенок мыльный, послевкусие уходит в картон, брак.

— Партия большая? — спросила я у Лиды.

— Две тонны шестьсот.

— Тогда стоп.

* * *

Вот тут Северин подал голос.

— Извините, — сказал он. — Я правильно понял: вы останавливаете партию на основании оттенка, который заметил один человек?

— Не один, — сказала я. — Игнат Осипович подтвердил.

— Два часа на двадцать четыре пробы, — сказал Северин. — Я смотрел ваш лист. У вас каждый вывод — это слово.

«Мыльный». «Картонный». «Пыльный». Как вы это докажете?

— Никак, — сказала я. — Мы это выливаем в канал.

— Простите?

— Партию сейчас развернут на склад до выяснения, — сказала я. — И если причина повторится, её снимут с производства. Доказывать я буду другой пробой: я возьму ароматизатор, воду и остатки, и если мыло есть во всех трёх, значит, мыло в сырье, а не в чьей-то голове.

Северин помолчал.

— И много таких случаев?

— Четыре за год.

— Четыре за год, — повторил он и открыл свою папку. — А сколько партий ушло без замечаний?

— Сто восемьдесят одна.

— Сто восемьдесят одна и четыре, — сказал он. — Значит, в двух процентах случаев вы работаете, а в девяноста восьми — вы просто стоите с блюдцем.

— В девяноста восьми, — сказала я, — я стою с блюдцем и не пускаю брак к людям. Это разное.

— Это недоказуемое разное, — сказал Северин.

* * *

Если бы он сказал это год назад, я бы разозлилась и что-нибудь сломала. Но мне было двадцать восемь, а не восемнадцать, и я научилась спорить, не наливаясь красным.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда докажем. У вас же есть

аппарат.

— Есть.

— Поставьте его рядом. Пусть он попробует ту же карамель и скажет, есть ли мыло.

Северин замялся.

— «Пробник-2» определяет сладость и кислотность, — сказал он. — Оттенки он называет по таблице.

— По какой таблице?

— Есть градация оттенков. Пятнадцать позиций.

— А мыла в таблице нет? — спросила я.

— Есть группа «посторонний».

— Отлично. Тогда смотрим: если он покажет «посторонний», значит, я не сумасшедшая и партию надо разворачивать.

* * *

Он поставил аппарат на стол, включил, подождал, пока экран прогреется, и положил в щель кусочек карамели. Аппарат погудел, пожевал, подумал и выдал:

«Сладость 71 процент. Кислотность 0,4. Оттенки: солодовый, сливочный, картонный».

— Картонный, — сказала я. — Не мыльный.

— Он показал посторонний оттенок.

— Он показал картонный, — сказала я. — У меня в листе пятнадцатая проба: мыло во второй секунде и картон в послевкусии. Это две разные беды. Мыло — это ароматизатор, а картон — это карамель пережжена.

— Для решения о партии это не принципиально.

— Для решения о партии — нет, — сказала я. — А для цеха — да. Если я скажу «партия картонная», они поменяют варку и получат мыло снова.

Северин смотрел на экран с тремя словами и на меня — с блюдцем в руке.

— Госпожа Ланская, — сказал он. — Я приехал не ругаться.

— А зачем?

Он закрыл папку.

— Я приехал показать, что вкус можно измерить, — сказал он. — А вы при мне показали, что не весь.

* * *

Мы стояли в цеху, где пахло сливочным и немного жжёным, а между нами гудел «Пробник-2» и не понимал, куда попал.

— Значит, так, — сказала я. — Мыло в партии есть?

— Похоже, есть.

— Тогда я иду к Розе Марковне и говорю «стоп». А вы идёте со мной.

— Зачем?

— Затем, что вы человек из головного офиса, — сказала я. — Если я приду одна, мне скажут, что я нашла то, чего нет. А если со мной человек с прибором, который показывает картонный оттенок, мне поверят быстрее.

Северин посмотрел на меня с таким видом, будто я его

обманула.

— Вы используете мой аппарат против меня, — сказал он.

— Я использую его по назначению, — сказала я. — Он же для того и сделан, чтобы не пускать брак к людям.

И вот тут он первый раз за день не нашёл, что сказать.

Глава 2. Вкус города

Через три дня комбинат собрал всех в актовом зале, где на сцене стоял стол с карамелью, а за столом сидел директор и делал вид, что это не он.

— К юбилею города, — сказал директор, — нам нужна новая линейка. Вкус города. Так, чтобы человек попробовал и понял, где он.

В зале зашумели.

— Мы объявляем конкурс, — сказал директор. — Три тура. Карамель. Помадка. Свободная тема. Участвуют все подразделения комбината и, — он посмотрел в бумагу, — приглашённые частные кондитерские.

— Что?! — сказала Роза Марковна.

Роза Марковна Гладыш, наша начальница, сидела на третьем ряду и была недовольна всем: тем, что её вызвали в зал, тем, что на сцене стоит стол с карамелью, которую никто не пробует, и главное — тем, что где-то рядом сидит частник, который в этом городе варит неплохую помадку и делает вид, что он не в курсе.

— Что нужно выиграть? — спросила Роза Марковна.

— Контракт на юбилейную серию, — сказал директор. — Двести тысяч коробок.

В зале стало тихо.

Двести тысяч коробок — это не карамель к празднику. Это карамель, которая будет стоять в городе ещё год.

— И второе, — сказал директор. — Каждое подразделение, вышедшее в финал, сохраняет штат.

Роза Марковна медленно обернулась ко мне.

— Слышала? — сказала она.

— Слышала.

— Каждое подразделение.

— Да.

— Ну и вот, — сказала Роза Марковна. — Значит, нам нельзя не выйти в финал, Тоня. Потому что иначе в сентябре в нашем цеху не будет цеха.

* * *

Про оптимизацию я знала с июня, но до этого дня она была просто словом из бумаги.

В августе в комбинате посчитали: дегустационный цех стоит шестьсот восемьдесят тысяч в год. Четыре человека, комната, весы, компот. И рядом лежала бумага, где стояло: «Рекомендуется внедрение приборов контроля вкуса с последующим сокращением двух единиц и совмещением».

Две единицы — это я и Лида. Игната Осиповича на полставки они бы оставили: его никто не сокращает, потому что он один умеет тянуть карамельную массу до нити.

— Нам привезли этого Северина не случайно, — сказала Лида вечером. — Он приехал нас считать.

— Он приехал внедрять прибор.

— А какая разница?

— Есть разница, — сказала я. — Если прибор покажет то же, что я, значит, я не нужна. А если покажет хуже, значит, мы его переспорим.

— Тоня, — сказала Лида. — Ты в конкурсе собираешься участвовать?

— Собираюсь.

— А карамель ты варила когда-нибудь?

Я задумалась.

Дегустатор — это не кондитер. Я могу по первому укусу сказать, сколько варили и на сколько пережгли, я могу назвать сорт солода на слух, я могу разложить карамель на семь признаков. А варить — не умею.

— Никогда, — сказала я.

— Ну вот, — сказала Лида.

* * *

Отдельным словом, о котором объявили на сцене, было слово «команды».

— По просьбе головного офиса, — сказал директор, — команды формируются по принципу «профессия плюс контроль». То есть в каждой команде должен быть технолог и человек, который эту работу проверяет.

Это значило: в одной команде селят меня и Северина.

Я поняла это раньше, чем директор закончил фразу. Я подняла голову, и, конечно, Северин сидел через шесть рядов и тоже смотрел на меня, и по лицу его было видно ровно

то, что я не хотела видеть: он уже всё придумал и ему уже не нравится.

После заседания он подошёл сам.

— Госпожа Ланская.

— Я не «госпожа», — сказала я. — Я Тоня.

— Тоня, — сказал он, и это прозвучало как строчка в накладной. — По бумаге мы одна команда.

— По бумаге.

— По делу тоже, — сказал он. — Если мы займём последнее место, из вашего цеха сократят двух человек, а на нашем аппарате никто не хочет учиться. А я не могу внедрить аппарат, который не работает в цеху.

— То есть вам нужен наш цех?

— Мне нужен специалист, который в цеху.

— Тогда у вас ошибка в слове «специалист», — сказала я. — Наш цех — это четыре специалиста, из которых вы хотите сократить двух, чтобы поставить белый ящик.

Северин молчал.

— Слушайте, — сказала я. — Я вам скажу, как я это вижу. Вы приехали и хотите доказать, что вы меня лучше.

— Я хочу доказать, что вкус можно записать.

— Тогда я вам скажу страшное. — Я посмотрела ему в глаза. — Меня не надо лучше. Меня надо на место, где я умею. А если вы умеете писать карамель словами лучше меня, то пишите, я буду первая, кто это признает.

Он задумался.

— Вы сейчас согласились, — сказал он.

— Я всегда согласна с тем, что очевидно.

— А с чем не согласны?

— С тем, что белый ящик узнает мыло в третьей секунде, — сказала я. — Он же показывает только то, что ему написали в таблице. А в таблице мыла нет.

* * *

Первый тур был через три недели, и это значило, что у нас двадцать один день.

На доске в цеху, где мы держали график проб, появились три слова: «карамель, помадка, петух».

«Петух» придумала Роза Марковна.

— В городе, — сказала она, — есть петух. Его рисовали на коробках, когда мой отец ещё работал. Игнат Осипович, ты помнишь петуха?

Игнат Осипович Сыч сидел на своём табурете сбоку, потому что у нас один цех: стол для проб, весы, компот. Ему было семьдесят один, он приходил на полставки, тянул массу и всё время молчал, а если говорил, то так, как будто это давно решено.

— Помню, — сказал он.

— Он может сколько лет в коробке лежать?

— Петух-то? — Игнат Осипович подумал. — Лет двадцать может. Он на пустышке, там сахар и экстракт. Если в бумагу правильно завёрнут, двадцать лет лежит и ничего ему не делается.

— Слышала? — сказала мне Роза Марковна.

— Слышала.

— Вот это и есть вкус города, — сказала она. — Не карамель вообще. А петух, который в каждой коробке с пятидесятых.

* * *

Вечером я пошла домой и весь путь думала про то, что я ни разу не варила.

Мы жили с братом на улице Речной, в однушке на первом этаже, где окно выходило в палисадник с сиренью и где каждую осень было холодно, потому что Гоша не закрывал окно, пока не замерзал.

— Тоня, — сказал Гоша, когда я вошла. — Тебе Роза Марковна звонила. Сказала, я цитирую: «Если она не выиграет, я сама пойду в головной офис и поставлю им этот ящик в кабинет».

— Это можно, — сказала я. — Ящик тяжёлый.

— И ещё что-то было про квартиру, — сказал Гоша.

— Про какую квартиру?

Гоша замялся. Гоша у меня хороший, но у него есть одна особенность: он всё, что знает, рассказывает не сразу, а так, чтобы получилось интересно.

После третьего вопроса он рассказал.

В начале сентября комбинат объявлял распределение служебных квартир. Одна квартира на Липовой, восемь. Второй этаж, семнадцать метров, ванна с ножками, окно во двор. И

распределяют её по очереди, а в первую очередь ставят «семейных работников, стоящих в очереди».

— Мы стоим, — сказала я. — Мы стоим с двадцать второго года.

— Стоим, — сказал Гоша. — Только у нас очередь сто двенадцатая.

— Что?

— Сто двенадцатая, — сказал Гоша. — Я узнавал. Там впереди сто одиннадцать человек, из которых восемь семей, а остальные — люди, которые тоже стоят, но их не проверяют, потому что они пока не жалуются.

— Мы не жалуемся.

— Вот поэтому мы сто двенадцатые, — сказал Гоша. — Я предложил Соне переехать к нам и подождать.

— Соне?

— Мы это обсуждали, — сказал Гоша и покраснел. — Она хочет подождать.

Я села на табуретку.

Тоня Ланская, двадцать восемь лет, вот-вот потеряет работу, живёт с братом, у которого есть невеста, и стоит сто двенадцатой в очереди на комнату в семнадцать метров.

Отличная неделя, подумала я. Отличная.

Глава 3. Служебная квартира

Через два дня я узнала, что у Северина та же проблема, и это было единственное, что нас за неделю объединило.

Он жил в заводской гостинице на первом этаже, где в номере было три койки, и с ним жили ещё два человека: один приехал на три месяца наладчиком, второй — технологом по вафлям и каждую ночь смотрел телевизор так, как будто он один в стране.

— И вам из-за этого не спится? — спросила я.

— Я сплю, — сказал Северин. — Я не могу там говорить.

— В смысле?

— В гостинице нельзя говорить по телефону, — сказал он. — Наладчик считает, что телефон звонит ему, а технолог по вафлям спит. Я выхожу в коридор и шепчу в трубку. Я работаю тридцать три года по расчёту, вы представляете, как это выглядит со стороны?

— Тридцать три года?

— Тридцать три года человеку, — сказал Северин.

— А.

Мы стояли у проходной, шёл дождь, и его пальто уже было не таким ровным.

— А если серьёзно, — сказала я. — Сколько вы здесь будете?

— Пока не кончится юбилей. Сентябрь, октябрь, ноябрь. В декабре сдаём серию.

— До декабря в гостинице нельзя жить.

— Я жил в худших.

— Я тоже, — сказала я. — Но я жила с братом, а не с телевизором.

Северин посмотрел на меня.

— У вас что? — спросил он.

— У меня сто двенадцатая очередь.

* * *

Служебная квартира была легендой города.

Её дали в семьдесят четвёртом главному механику, и он жил в ней до девяносто третьего, и за это время она обросла слухами: что в ней витая лестница (нет), что в ней два окна (одно), что в ней ванна, которую можно набирать, не подключая бойлер (да, потому что дом с общей котельной соседнего завода).

Липовая, восемь: второй этаж, семнадцать метров, комната с эркером, кухня в три шага, ванна с ножками.

И правило, которое всё ломало.

— «Служебное жильё предоставляется работникам комбината, состоящим в браке либо имеющим иждивенцев», — прочитала Лида. — Вот и всё, Тоня. Вот и всё.

— А если нет ни брака, ни иждивенцев?

— Тогда жди свою очередь.

— До старости?

— До старости, — сказала Лида. — Ну или пока у тебя не появится иждивенец.

Мы сидели на подоконнике в цеху и смотрели на дождь.

— А у Северина? — спросила я.

— Он тоже не женат, — сказала Лида и сделала паузу, после которой обычно задают следующий вопрос. — Точно не женат. Кольца нет, в гостинице один, вечерами ходит в павильон и ест один.

— Ты следила?

— Я работаю в лаборантской у окна, — сказала Лида. — Это не я, это окно.

* * *

Идею подал не Северин и не я. Идею подал Аркадий Гусь, и он подал её на диване в заводском совете.

Аркадий Гусь был человек порядка. Он двадцать лет заведовал распределением, и порядок у него был такой: если правило можно понять двумя способами, то правильный способ — тот, при котором меньше надо переделывать.

— Есть служебное жильё, — сказал он. — Стоит пустое с августа, потому что нет семьи. Есть две заявки на неё, и я не могу их удовлетворить, потому что оба — одиночки. И есть конкурс, в котором эти двое — одна команда.

— И? — сказала Роза Марковна.

— И я предлагаю изменить формулировку, — сказал Аркадий. — Не «состоят в браке», а «ведут общее хозяйство».

В заводском совете стало тихо.

— У нас в комбинате есть люди, которые живут вдвоём без штампа, — сказал Аркадий. — Их много. По правилу они стоят в очереди за женщиной, которая уехала в том году в Ирбит и сдаёт свою на хранение. Это глупо. Я предлагаю это исправить.

— А как проверить, что они ведут общее хозяйство? — спросила Роза Марковна.

— Сходить и посмотреть, — сказал Аркадий. — Глядим на полки: одна полка чай, значит, живут вместе, у одиночки в холодильнике чипсы.

— А если они не живут, а просто соврали?

— Тогда им выговор и снятие заявки, — сказал Аркадий. — А если соврали, потому что им действительно негде жить, — то они ещё и дураки, что не сказали этого раньше.

* * *

Я вышла из совета и поняла, что сама собой родилась мысль, от которой у меня загорелись уши.

— Нет, — сказал Северин, когда я её сказала.

— Вы даже не дослушали.

— Мне хватило трёх слов, — сказал он. — «Мы будем парой».

— А что вас смущает?

— То, что это ложь, — сказал Северин. — Я тридцать три года живу без вранья, и менять это из-за очереди на квартиру не стану.

— Вы живёте без вранья, — сказала я, — и живёте в го-

стинице с телевизором, с людьми, которым вы мешаете работать. До декабря.

Он помолчал.

— И потом, — сказал он. — Как вы себе это представляете? Мы даже не разговариваем.

— Мы сейчас разговариваем.

— Мы спорим.

— Это то же самое, только громче.

Северин засмеялся — коротко, один раз, будто ему было неприятно. И я первая увидела, как он смеётся, и это было неожиданно приятно.

* * *

Спасибо Розе Марковне, которая дала мне главный аргумент.

— Ты дура, — сказала Роза Марковна, когда узнала новость. — Я тебе скажу, как это делается. Не «мы пара». А «мы собираемся». Люди, которые собираются, официально не врут. У них всё впереди.

— Роза Марковна, это же обман.

— Это форма. — Она махнула рукой. — Вся наша жизнь — это форма. Говоришь «собираемся» — и всё. А если потом не собрались — это жизнь.

— А если проверят?

— Проверят, — сказала Роза Марковна. — Аркадий придёт и посмотрит на полки. Приходится.

* * *

Договор мы написали на листе, который я потом прятала в дневник вкусов, чтобы его не нашли ни брат, ни Соня, ни, не дай бог, комиссия.

Договор о сотрудничестве.

Пункт первый: жильё общее, комната и кухня пополам, ванна по графику. Пункт второй: посторонним — ни слова, но если кто-то спросит прямо, не врать, а говорить: «мы вместе идём к этой жизни», это не ложь, это направление. Пункт третий: до конкурса это партнёрство, после конкурса — по желанию сторон. Пункт четвёртый: никто не ест сладкое дома. Пункт пятый: если кто-то из нас влюбится в кого-то другого, он говорит об этом в первые двое суток, и договор заканчивается без обид.

— Пункт пятый лишний, — сказал Северин.

— Почему?

— Потому что до декабря у нас нет времени.

Я посмотрела на него.

— Вы до смешного романтичны, — сказала я.

— Я договороспособен, — сказал Северин.

* * *

Мы подали заявление в пятницу.

Аркадий прочитал, поднял голову, потом снова прочитал, а потом задал вопрос, которого я боялась.

— А вы, простите, живёте где сейчас?

— Я у брата, — сказала я.

— А он?

— В гостинице.

— Значит, общего хозяйства нет, — сказал Аркадий. — Значит, я не могу.

— Аркадий Иванович, — сказал Северин, и я услышала, как он в первый раз в жизни что-то придумывает на ходу. — Мы подаём заявление о предоставлении служебной квартиры на этапе, когда хозяйство ещё не общее, потому что для общей квартиры нужно жильё. Это замкнутый круг. Если вы хотите, чтобы мы сначала вместе жили, дайте нам жильё, чтобы мы вместе жили.

Аркадий посмотрел на него, потом на меня, потом снова на бумагу.

— Хорошо, — сказал он. — Через две недели комиссия посетит одну из ваших квартир, и посмотрит. Если увижу, что вы живёте раздельно, заявки сниму.

Мы вышли на улицу.

— Через две недели, — сказала я.

— Я в курсе.

— Их пустят в однушку к Гоше, — сказала я. — И там живёт брат, его невеста, кот и я.

Северин смотрел прямо перед собой.

— У вас есть две недели, — сказал он, — чтобы ваш брат с невестой переехали.

— А вы, — сказала я, — за две недели научитесь выглядеть как человек, который живёт с женщиной.

— Я выгляжу как человек, который живёт один.

— Вот именно.

* * *

Дома я объявила Гоше новость.

— Соня, — сказала я в трубку, потому что Соня в нашей семье решала всё, что касается порядка. — Нам надо поговорить.

— У нас свадьба в декабре, — сказала Соня.

— Я знаю.

— Что ты натворила?

Я объяснила.

Соня молчала долго, так долго, что я уже думала, что связь кончилась.

— Тоня, — сказала она наконец. — Я тебе скажу как человек, который выходит замуж. Ты сейчас придумала самый дурацкий способ улучшить жилищные условия из всех, о которых я слышала.

— Ну?

— И я не понимаю, почему мне это так нравится, — сказала Соня.

Глава 4. Комиссия

Две недели до комиссии мы потратили так, как в этой стране тратят две недели перед любой проверкой: делали вид.

План был такой. Комиссия приходит в однушку на Речной, где живёт Гоша, и видит: две чашки, две щётки, му

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.